

Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Хабаровск, 1896.

Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // Этнографическое обозрение. М., 1897. Кн. XXXIV.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Lopatin I. The Cult of the Dead among the Natives of the Amur Basin. S-Gravenhage, 1960.

Laufer B. Petroglyphs on the Amoor // American Anthropologist. 1899. № 5.

Ч.М. Таксами

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НИВХОВ О ВСЕЛЕННОЙ И МИРЕ МЕРТВЫХ

Нивхи — небольшая народность, проживающая в низовьях Амура и на острове Сахалин. Общая численность около 4,5 тыс. человек. На этой территории они проживают давно, и их относят к группе палеоазиатских народов. Еще в середине XIX в. было замечено, что нивхи отличаются от соседних народов как по языку, так и по культуре. Правда, в результате длительных этнокультурных контактов появилось много смешанных семейно-родовых групп: нивхско-негидальские, нивхско-ульчские, нивхо-японские и др. Члены этих смешанных семей владели ульчским, негидальским и японским языками. Среди нивхов были и те, кто владел языком нанайцев. Надо отметить, что в этих смешанных семейно-родовых группах наблюдалось много общих явлений и в традиционной культуре. Об этом написано немало. В культуре народов Нижнего Амура и Сахалина выделяются общие, видимо, палеоазиатские элементы. Но больше всего их сохранилось в культуре нивхов, потомков древних рыболовов и морских охотников Тихоокеанского Севера. Чем больше я изучаю культуру нивхов, тем больше убеждаюсь в том, что древние палеоазиаты жили на более обширной территории, расположенной на Тихоокеанском Севере, в том числе и в бассейне нижнего Амура.

В 1854–1856 гг. огромную научную работу по естественно-историческому изучению Приамурского края Сахалина провел ученый-натуралист Леопольд Иванович Шренк. Он предполагал, что нивхи, населявшие обширные земли в Азии, под «наплывом и напором более сильных и живучих народов» вынуждены были потесниться и переселиться даже на Сахалин с материка. Возвращение части нивхов с острова на материк, по мнению Л.И. Шренка, было вызвано продвижением айнов с юга, теснимых японцами [Шренк 1883, I:

221]. Л.И. Шренк первым выделил палеоазиатскую (древнеазиатскую) и тунгусо-маньчжурскую группы народностей Сибири. К палеоазиатской группе, кроме чукчей, коряков, эскимосов, ительменов, он отнес и нивхов. Этот термин правильно подчеркивает древность их языков и пережиточный характер их культуры.

Из капитальных трудов Л.И. Шренка наибольшую известность у этнографов и историков получила работа «Об инородцах Амурского края». Центральное место в ней занимают исследования древнейших обитателей Нижнего Амура и Сахалина — нивхов (гиляков). Изолированность нивхского языка, отличный от соседей характер материальной культуры, общественного строя и другие особенности вызвали у исследователя особый интерес к этой народности. Л.И. Шренк не занимался специально изучением языка нивхов. Тем не менее им и его корреспондентом К.И. Максимовичем были сделаны ценные словарные записи, из которых наибольший интерес представляют слова, связанные с родовой организацией нивхов, географические названия и др. Наряду с нивхами Л.И. Шренк исследовал и другие малые народности Амура и Сахалина, дав достаточно полную картину их расселения и историко-этнографическое описание. По словам Л.Я. Штернберга, крупнейшего исследователя народов Амура и Сахалина, «Шренк поистине может быть назван Колумбом этнографии Приамурского края».

Л.Я. Штернберг, находившийся в течение восьми лет в политической ссылке на острове Сахалин¹, открыл новые страницы в истории изучения коренных сахалинских народностей, в первую очередь нивхов (гиляков).

Лев Яковлевич Штернберг полагал, что первоначальной родиной нивхов были низовья Амура, а на Сахалине они появились сравнительно поздно, вытеснив своих соседей айнов.

Л.Я. Штернбергу принадлежит мысль о том, что нивхи пришли на нынешнюю территорию из более северных стран, близких к арктической полосе. Развивая свою мысль о сходстве нивхов с северо-восточными палеоазиатами, Л.Я. Штернберг высказал предположение о возможном сходстве нивхского языка с языками северо-американских индейцев, но эти вопросы нуждаются в дальнейшем

¹ С 1869 г. Сахалин превратился в место всероссийской ссылки и каторги. На острове твердо установился тюремный режим. С 1884 г. сюда стали высылать государственных преступников. За время существования сахалинской каторги на ней отбывали наказание более 50 видных революционеров и несколько сот человек, обвиненных в сопротивлении представителям царской власти. Общее число каторжан на Сахалине в некоторые годы достигало 32 тыс. человек [Сенченко 1957: 132–133].

исследовании. В научной литературе существует мнение и о южном происхождении нивхов. Этой теории среди ученых XX в. придерживался, в частности, Е.А. Крейнович, высказавший предположение о том, что «нивхи некогда жили южнее их современной территории в тесном соприкосновении с корейским народом, с одной стороны, и с древними маньчжурами» [Крейнович 1955: 136; Золотарев 1933].

Мы думаем, что правильно придерживаться мнения тех авторов, которые считают, что нынешние нивхи — потомки древнейших неолитических жителей Нижнего Амура и Сахалина и что в прошлом они обитали на территории, занимаемой коряками, распространяясь и в южные районы. Возможно, что именно на этой территории происходил стык культур народов Севера и Юга, связь древних культур Монголии и Аляски [Окладников 1964: 50]. Не исключено, что в заселении американского континента участвовала какая-то часть предков нивхов.

Здесь важно отметить, что еще в XVII в. при встрече с первыми отрядами землепроходцев нивхи показали совершенно отчетливые представления о своей исконной островной земле, границах расселения своего народа, характере местности. Этими знаниями они обладали благодаря накопленной в течение длительного исторического периода информации. Многие нивхи совершали длительные деловые путешествия вверх по Амуру до маньчжуро-китайской территории, в том числе в г. Сан-Син. Проезжая земли многих народов, они знакомились с их природой и самими народами. Возвращаясь домой, делились своими впечатлениями и наблюдениями с сородичами и соплеменниками. Особенно хорошо нивхи Нижнего Амура изучили территорию бассейна реки Амгуни. По притокам Амгуни и озерной системе нивхи выходили далеко на Охотское побережье. Любопытно знать, что этим маршрутом нивхи пользовались и в середине XX в. во время охоты на лося и экспедиционных промыслов рыбы. Дальние путешествия совершали нивхи островной Сахалинской земли. Мы знаем, что они бывали на материке и на острове Хоккайдо. Во время последних поездок в Японию я собрал интересные сведения о поездке нивхов на Хоккайдо. Еще до Второй мировой войны (до 1941 г.) нивхи посещали полуостров Сирэтоко на Хоккайдо для охоты на медведя [Таксами 2004: 7].

По словам Е.А. Крейновича, нивхи «обладают блестящим знанием своей территории <...>. Выделение и обозначение всех мельчайших особенностей ландшафта и рельефа свидетельствуют о том, что аналитические особенности нивхов абсолютно ни в чем не уступают интеллектуальным способностям цивилизованных народов» [Крейнович 1973: 53–54].

Члены каждого родового коллектива хорошо знали свои родовые земли, на которых проходила их жизнь. С учетом особенностей кормящего ландшафта они вели хозяйственную деятельность по сезонам года, обеспечивая себя средствами существования. Да и образ жизни был подчинен этой цели. Почти все нивхи имели зимние и летние селения, удобно расположенные для промыслов по сезонам года. Еще в середине XIX в. это отметил Л.И. Шренк: «Гиляки исключительно живут рыбным и тюленевым промыслом и в нем находят непосредственное удовлетворение своих ближайших потребностей естественным образом, всегда стараются селиться по главным и самым рыбным бассейнам своей страны и притом как можно ближе к воде. Таким образом, все гиляцкие селения расположены в непосредственной близости к Амуру, к лиману, к морю или по течению реки Тымы — этой главной артерии северного Сахалина. <...> Местность всегда избирается по возможности благоприятной, на берегу реки или в небольшой бухте, недоступной половодью берег, окаймленный высоким лесом. Зимние селения обычно защищены от ветров и бурь скалистыми уступами, летние селения — места с глубоким причалом для лодок» [Шренк 1883, II: 9]. Места расселения нивхов были богаты природными ресурсами, и люди досконально изучили их в течение длительного исторического периода. Большинство нивхов, как нами уже отмечено, знали хорошо свои родовые угодья и территории, которые, согласно обычному праву, принадлежали им. Хорошо они знали и родовые угодья своих соседей и соблюдали их неприкосновенность и права.

Вселенную нивхи называют *курн* и представляют живой. Древние нивхи считали, что она состоит из трех плоскостей: *тлы* — «небо»; *тлы-миф* — «небесная земля» (*миф* «земля»); *ых-миф* — «средняя земля» (мир людей) или «конечная земля»; нижний мир — *млых*, *млу* или *млы-во* — «селение мертвых», находящееся под землей [Крейнович 1955: 38.].

По традиционным представлениям нивхов, на их земле жили духи-хозяева, которые регулировали жизнь и соблюдали порядок на ней. «Для него (нивха. — *Ч.Т.*) не существует мертвой неразумной природы; напротив, вся природа одарена жизнью и разумом» [Штернберг 1933: 4].

Вся земля такое же живое существо, как и обитающие на ней люди, животные и растительный мир. Нивхи Сахалина свой остров называют *миф* («земля») и рассматривают как живое существо, у которого голова — мыс Марии, подбородок (*пытыкры*) упирается в Охотское море, а ноги — два полуострова, омываемые проливом Лаперуза. Нередко остров Сахалин сравнивали с лежащим на боку человеком или тюленем. Л.Я. Штернберг по время путешествия по

Сахалину побывал на северной части острова и даже стоял на его «голове», видел, как нивхи приносили жертву и молились земле, бросая еду, «и даже одинокие утесы, торчащие из воды вдоль берегов острова, — все это живые боги, убежавшие от своих родов под влиянием междоусобиц, <...> Такой же живой является остальная природа: грозный толь (море), мрачные леса гористого острова, быстрые реки и т.д.» [Штернберг 1933: 54].

На земле самым важным, можно сказать главным, хозяином является *Пал-ыз*, хозяин гор и тайги, он же *миф-ыз* «хозяин земли». Кроме того, каждый природный объект и жилище также имеют своего «хозяина». Поэтому повсеместно нивхи устраивали «кормление» этих хозяев: во время промыслов, путешествия и поездок на лодке, на собачьих упряжках, во время посещения тайги для сбора ягод, орехов и трав. Нивхи с детства знали места, в которых находились «хозяева», и никогда не проходили и не проезжали мимо, не совершив в знак уважения «кормления» хозяев. Обычно эти священные места находились у горных ключей, подножья утесов или мыса, вблизи многолетних деревьев или на высоких сопках и т.д. Но прежде всего эти священные места находились рядом с нивхскими селениями, в местах их летних и зимних жилищ.

По представлениям нивхов, «хозяин» дома живет во всех нивхских жилищах. В прошлом их изображение делали на четырех каркасных столбах в полуземлянках. В 2004 г. во время поездки на остров Хоккайдо я посетил музей вблизи г. Абашири. Здесь на территории археологических раскопок находилась полуземлянка нивхов, проживавших на Хоккайдо. Эти нивхи в прошлом жили на Южном Сахалине и переселились после 1946 г. По просьбе археологов они построили полуземлянку со всеми деталями, в том числе с изображениями «хозяев дома» на четырех основных столбах, на которых держится вся конструкция полуземлянки. Автору статьи удалось сфотографировать эти изображения. В жизни нивхи никогда не забывали «кормить» хозяев дома, обрызгивая соком ягод или смазывая им их изображения. Детали нивхского дома с подобными изображениями хранятся в фондах МАЭ (колл. № 6366).

Жилище нивхов такое же живое существо, как весь окружающий мир. В нем особенно важное место занимает очаг, в котором, по представлениям нивхов, живет «хозяин» огня. Дома или на промыслах нивхи уделяют особое внимание огню, оберегают его от осквернения и всегда устраивают «кормление» огня. В нивхской мифологии очень подробно освещается роль огня в жизни нивхов, в том числе в промысловой деятельности. Описывается, как хозяин огня помогает на промысле охотнику в добыче пушных зверей. Нередко охотник вечером, сидя у костра, покуривая трубку, мысленно бесе-

дует с хозяином огня, высказывает свои пожелания и просьбу помочь в удачной охоте и добыть нужное количество зверей. Бросая в огонь табак и еду, охотник давал силу хозяину огня и надеялся на успех охоты.

Я много раз слышал предания о роли огня в жизни нивхов. В одном из них говорится о том, как два нивха поехали на охоту на собачьих упряжках в дальние промысловые уголья. Один из них был недобрый и жадный и никогда не «кормил» хозяина огня и только ругал всех, сетуя, что у него не ладится с промыслом и не попадаются в петли звери. Даже когда курил, сидя у костра, не бросал еду в огонь и не угощал хозяина огня табаком. За все дни промысла он не поймал ни одного соболя. Его же напарник был добрым человеком, уважал всех, соблюдал обычаи и традиции своего народа. И поэтому, когда разжигал огонь, своим огнивом сначала кормил хозяина огня, бросив в костер щепотку табака и часть еды, которую принес с собой. Так поступал все дни пребывания на промысле. Вечерами сидел долго у костра, покуривая трубку. Мысленно беседовал с хозяином огня. Ежедневно он добывал петлями по несколько соболей с хорошим мехом. Накануне отъезда вечером добрый охотник спросил у злого охотника, какие успехи на промысле и доволен ли он охотой. «Что-то не ладится у меня, и я не видел тех, за которыми пришел», — последовал ответ. «Почему-то они избегают мои тропы и обходят петли. Что-то не ладится у меня, и я завтра уйду домой». Хороший охотник, зная, что его напарник не добр к окружающим и с неуважением относится к обычаям, посоветовал повнимательнее отнестись к огню и накормить его «хозяина», угостить табаком. Так, посоветовав, и ушел в свой шалаш. Утром рано он ушел проверять свои петли, как и прежде, добыл петлями несколько соболей. Когда вернулся на стоянку, то не нашел шалаш своего напарника и его собачью упряжку. Тот уехал домой. Хороший охотник услышал человеческий стон и увидел в огне расколотую человеческую голову. Это был «хозяин» огня. Он сказал: «Мой хозяин плохой человек, жадный и жестокий. Он не кормил меня, но заставлял охотиться и добывать соболей. Я от голода истощал и не мог ходить за соболями. Перед уходом мой хозяин топором ударил мне по голове, сказав: “Вот тебе еда и угощение”». Хороший охотник собрал смолу и положил на расколотую голову. Рана зажила. Затем охотник сел у этого огня, закурил и угостил табаком его хозяина. Затем накормил его, бросив в огонь еды из своего запаса. Хозяин огня поправился, набрался сил и добыл для охотника соболей, загоня зверей в петлю. Хороший охотник поймал много соболей, вернулся домой с богатой добычей. Вот поэтому нивхи всегда почитали хозяина огня и кормили его, когда сами курили или ели у огня. В такой

ситуации хозяин огня всегда благодарил человека, оказывая ему помощь в промыслах.

На Сахалине старик-нивх Мурмур рассказал Е.А. Крейновичу о том, что, «когда человек перед выходом на охоту спит, хозяин огня отправляется на промысел тюленей. Если хозяин огня убьет тюленя для охотника, то тогда нивх выезжает на охоту и убивает тюленя» [Крейнович 1973: 103].

Я, так же, как и Е.А. Крейнович, слышал подобный рассказ от нивхов Сахалина и Амурского лимана. Об этом мы писали в «Сказках народов Севера» (1996 г.).

Природа у нивхов населена живыми и разумными существами. К ним относятся с большим уважением и стараются не обижать. Мы уже не раз писали о том, что самое почитаемое животное у нивхов — медведь. По их представлениям, медведи — родственники нивхов, многие нивхи бывали в гостях у медведей и видели их быт. Они живут, как нивхи, в большом родовом доме, питаются так же, как нивхи. Эти горные люди ходят в шкурах, а когда возвращаются к себе домой, снимают шкуру-одежду и вешают для сушки. Медведи живут родами и находятся с людьми в кровном родстве. Это представление довольно четко прослеживается в медвежьем празднике — «воспитании медвежонка», убое медведя и его захоронении. Особенно интересен обычай наречения новорожденного именем, которое сообщали медведю во время медвежьего праздника.

Земля нивхов со всех сторон омывается «голубым континентом», их земля на материке находится в бассейне великой реки Амур и многочисленных ее притоках, а также озер. На востоке нивхскую землю омывает Охотское море. Это обстоятельство нашло отражение в мировоззрении нивхов и их древней духовной культуре.

Вода у нивхов также одухотворена. В местах горных источников, по представлениям нивхов, живет хозяин (хозяйка) горного источника, а на дне Охотского моря и Тихого океана — седовласый хозяин моря, которого нивхи называют *тол-ыз*. В мифологии он известен как *Тайр-надз*. «Бог моря Тайрнадз живет на дне Охотского моря. Это глубокий старик с седой бородой, который живет со своей старухой в подводной юрте. В юрте масса ящиков с самой разнообразнойкрой, которую он время от времени пригоршнями бросает в море. Это он в определенное время посылает несметные отряды лососей, без которых жизнь гиляка была бы невозможна; это он рассылает касаток наводить порядок в морях и гнать навстречу гиляку всяких зверей морских» [Штернберг 1933: 55].

Среди нивхов распространены предания, в которых описывается жизнь в морской пучине. Морем, как говорится в мифологии, управляет семья седовласого старика. Нередко в голодные годы, особенно в годы плохих промыслов рыбы, нивхи отправлялись на по-

клон к хозяину воды/моря и показывали ему хвосты сушеной рыбы. Так они «сообщали» о том, что голодают. В преданиях есть немало описаний, как нивхи добирались до хозяина воды. В плохие промысловые годы нивхи решались отправить в дальнейшее путешествие к хозяину воды кого-нибудь из молодых людей, сильного и выносливого, знающего дорогу. При встрече с «хозяином воды» посланец излагал просьбу своих сородичей и соплеменников послать им рыбу и позволить добывать ее в нужном количестве. Выслушав посланца, «хозяин воды» с пониманием относился к просьбе людей, всегда принимал гостя, угощал его и беседовал с ним, во время разговора расспрашивал о жизни людей и выяснял подробно их нужды. Затем провожал гостя домой, брал горсть икры разных рыб и бросал вслед за гостем. Икра превращалась в косяки рыб и устремлялась к реке, на побережьях которой живут нивхи. Таким образом нивхи обеспечивали хорошие промыслы и средства для существования.

В свою очередь, нивхи дважды в год устраивали большие ритуальные праздники «кормления» воды: весной во время вскрытия реки и морских побережий ото льда и глубокой осенью перед самым становлением льда на реках и на море. Люди тщательно и серьезно подходили к этому празднику, готовили ритуальные блюда: *мось* — студень из рыбных кож и ягод, разные ягоды с рыбьим жиром, *юколу* — вяленую сушеную рыбу, табак, съедобные травы и т.д. Всю еду клали в специальные блюда в форме рыб разных пород, морских зверей, водоплавающих, птицы-гагары. Каждая семейно-родовая группа на своем берегу устраивала «кормление», бросая в воду пищу из этой посуды. Оставшуюся еду и посуду уносили домой, и каждого члена семьи обязательно угощали ритуальной едой. Угощали этой едой и членов других родов. Но так как большинство нивхских семей были малочисленными и в них жили представители родственных семей, то все семьи совместно устраивали праздники «кормления» воды — *«тол ардь»*. Ритуальную посуду хранили старейшие нивхи в амбарах. Ее использовали только на празднике «кормления» воды.

В повседневной жизни нивхи устраивали «кормление» воды во время плавания по реке, бросая табак или еду, приговаривая *«Толыза нын намагур хумгуя, колавитильтыр вигуя»* — «Хозяин воды, позволь нам хорошо жить и без болезни ездить».

Нивхи кормят табаком и едой морских животных, в том числе морских касаток и тюленей. Более того, тюленьи черепа бросают в воду с воткнутыми в ноздрю стружками, пропитанными соком ягоды. Это своего рода ответное угощение хозяину воды в благодарность за то, что он прислал людям рыбы и морских зверей. Нивхи верят в то, что хозяин воды получает угощения, посылаемые людьми.

Охотники говорят, что когда после «кормления» воды они добывают тюленя, то их язык оказывается покрыт ягодным соком.

Многими исследователями были записаны мифы о хозяине воды. В них подробно описываются долгие путешествия рыбаков к хозяину воды и посещение его дома. Во всех мифах дается описание быта семьи доброго седовласого старика, его гостеприимство и внимание к нивхам, пришедшим за помощью. Мне также удалось записать несколько вариантов предания о хозяине воды под названием «*Пнани-кхе пачикхе*» — «Сестра с братом». Здесь я приведу сокращенный вариант. Предание записано в 1956 г. в сел. Колыма от Оттыхта Ольги Нимайковны.

«В одном селении на морском побережье жили только сестра и младший брат вдвоем. Брат стал хорошим охотником и добывал много пушных зверей. Однажды на краю селения он встретил красивую девушку, которая была дочерью хозяина воды. Она приплыла в образе красивой пятнистой нерпочки и, выйдя на берег, превратилась в красивую девушку. Всегда после охоты брат, переодевшись, отправлялся на край селения к мысу, где проходило его свидание с девушкой. Сестра ревниво следила за поведением брата и заметила девушку-нерпочку. Она подкараулила нерпочку, и, когда та вышла на берег и превратилась в девушку, вонзила в нее острогу. Между злой сестрой и девушкой-нерпочкой возникла борьба. Когда сестра побеждала, то девушка-нерпочка оказывалась на берегу, когда девушка-нерпочка осиливала, то злая сестра оказывалась в воде вместе с девушкой-нерпочкой. Когда злая сестра вновь оказалась в воде, кожаный ремень порвался и раненая нерпочка с наконечником остроги, оставляя следы крови, уплыла в дом своего отца. Когда вернулся домой брат, то увидел мокрую свою одежду. Он спросил: “Почему моя одежда мокрая?”. Сестра ответила: “Недавно шел дождь и промочил твою одежду”. Брат почувствовал неискренность в ответе сестры, да и никакого дождя не было. Он сразу же пошел к утесу, где всегда ожидал свою девушку. Здесь увидел камни, обрызганные кровью, с грустью присел на них. В это время приплыли два маленьких нерпинка. Они вышли на берег, превратились в мальчиков и стали собирать ветки багульника и ели. Он узнал в них братишек своей девушки. Они рассказали, как его сестра ранила их сестру и что они приплыли за лекарственными травами, чтобы вылечить рану от остроги. Нерпочки уплыли с лекарственными травами. Уплывая, они сказали: “За тобою прилетят звери”. Сразу же прилетела птица — гагара, которая известна у нивхов под названием *Ун-на*. Она сказала: “Давай, ты на меня садись, и я тебя повезу”. Так полетели. Так долетели до одной земли. Оттуда дальше поехали на “дельфине”. Приплыв к одной земле, дельфин сказал: “Только по этой доро-

ге (тропинке) иди”. В пути брат встретил раба, прошедшего за дрова. У него расспросил обо всем, убил его и переделался в его одежду. Затем взял дрова и под видом раба спустился в деревню. Наколол дрова и, взяв их в охапку, вошел в дом. Здесь увидел шаманов: шамана хозяина воды и хозяина гор (сопок). Наш гость проголодался и обратился к жене хозяина воды с просьбой дать ему еды. Поев, он улегся на наре и стал играть на варгане. Девушка по мелодии узнала своего возлюбленного. В это время шаманы перестали играть-камлать на бубне. Молодой человек обратился к шаманам позволить ему сыграть на бубне. Услышав эту просьбу, хозяин воды, *хамар* (“седой старик”), привстал и сказал: “*Хы хой!*”. Что означает согласие: “Пускай играет!”. Затем сказал: “Послушайте, о чем будет петь раб”. Затем запел. Девушка окончательно узнала его. Пока пел бедный человек, наконечник гарпуна выпал из раны, рана зажила, и девушка перестала болеть и выздоровела. Затем они поженились. Седой старик всех шаманов прогнал».

В другом варианте подробно рассказывается о том, как юноша попадает в село, где живет хозяин воды, как он, прежде, чем попасть в его дом, побывал в гостях, угощался и беседовал с людьми. В доме хозяина воды колот дрова, носил воду и помогал по домашним делам. Постепенно привыкал к дому и семье. И уже после полной адаптации в семье хозяина воды юноша решил выступить с бубном. После женитьбы он остался жить в семье хозяина воды и стал помогать своим сородичам и соплеменникам, живущим на земле. Так нивхский юноша поступил ради любви к девушке и спасения своих сородичей.

У нивхов распространено предание о том, кто посылает к нивхам рыбу и морских зверей. В нем говорится, как в одну зиму нивхи голодали из-за отсутствия рыбы и морских зверей, хотя они кормили хозяина воды. Весной охотники поехали добывать тюленя на льдинах. Охотники, добывая тюленей, переходили с одной льдины на другую. Одни из них не успел вовремя спрыгнуть на берег и на льдине поплыл в суровое море. Когда льдина остановилась, охотник сошел на берег неизведанной земли. Здесь стоял один амбар на сваях. Его пригласили охотники амбара, и хозяева угостили рыбой и мясом разных морских животных. После долгих скитаний он крепко уснул. Когда проснулся, то увидел, как жена хозяина из-под нарты достала кету, убила и стала варить. Затем также из-под нарты достала молодого сивуча, убила кулаком и сварила.

Хозяин воды объяснил, почему он не посылает нивхам рыбу и морских зверей. Это он делает из-за того, что люди мучают зверей и рыб, нанося им многочисленные раны. И он открыл ящик, внутри которого было большое пространство, и в нем охотник увидел рыб с

раздавленными глазами, отрезанным хвостом, раздавленным пузырем т.д. Таковую же картину увидел в ящике с ранеными тюленями. Хозяин воды сказал охотнику: «Больше не мучайте рыбу и тюленей». Осторожно обращайтесь с ножами, когда разделываете рыбу и тюленей. Когда охотник вернулся домой, все рассказал людям. С тех пор нивхи не мучают рыбу и морских животных. Бережно обращаются с ножами при их разделке. В этом предании описывается долгий путь молодого нивха от своего селения до места обитания хозяина воды. Во время путешествия герой посещает многие нивхские селения, ночует в них, знакомится с его жителями, узнает судьбу людей. В итоге достигает цели и знакомится с хозяином воды, владельцем морских богатств. От его доброты зависела судьба нивхов. Благодаря его щедрости в нивхские реки устремлялись косяки рыб и морские звери. Так думали нивхи в прошлом.

Морские касаток нивхи называют «*ызгу-хозяева*». Во время промыслов и при встрече с ними в море их угощают, бросая еду и табак в море. По представлениям нивхов, морские касатки в ответ оказывают помощь нивхам, выбрасывая на берег тюленей. Более того, нивхи считают, что среди касаток встречаются родственники нивхских родов. Их нивхи узнают по спинным плавникам. Среди них есть девушка, вышедшая замуж за морскую касатку, и юноша, которому нивхи вернули саблю, превратившуюся в спинной плавник, при помощи которого он разрезает тюленей и выбрасывает их на берег. По представлениям нивхов, касатки — это морские люди и живут подобно нивхам. При захоронении морской касатки нивхи соблюдали определенный ритуал. Касатку можно сравнить с медведем. В тайге есть хозяин тайги и земли. На его земле водятся медведи, которых человек считает своими родственниками, живущими в лесу. С ними человек обменивается подарками и выражает уважение, устраивая медвежий праздник. То же самое мы наблюдаем во взаимоотношениях нивха с морской касаткой. Этот вопрос еще ждет своего исследования.

Мы описали в общих чертах представления нивхов о природе и среде обитания, в которой проходила их жизнь на земле. Теперь обратимся к их представлениям о других частях Вселенной.

У нивхов сложилось своеобразное мифологическое представление о небесном мире. Небо «населено целыми племенами *тлы-нивухов*, небесных людей» [Штернберг 1933: 55]. Иногда небесные люди из баловства пускают удочки с крючками на землю, «чтобы подцепить какого-нибудь гиляка». Так, молодой гиляк Ильк из деревни Арково рассказывал мне, что «*тлы-нивух* зацепил однажды золотым крючком его отца, который спасся только тем, что ухватился за дерево и, таким образом, отделался лишь испугом и изорванным халатом» [Штернберг 1933: 55].

По представлениям нивхов, самым грозным является хозяин неба — *Тайһранд*, который изредка мечется по небу, создавая гром и молнию. Нивхи считают: грозное существо видит, что делают люди на земле, и может наказать за нехорошие поступки. Но нередко нивхи выступали против действий хозяина неба, когда он свирепствует, льет долго ливневыми дождями, гремит и молниями сверкает. В такие мрачные дни, когда небо покрывается темной тучей, старейшие нивхи стреляют из лука в молнии и сильный ветер. Этим успокаивают хозяина неба. Последний улетает с нивхской земли. Нивхи рассказывали Е.А. Крейновичу, как они «убивали» сильный и опасный ветер. «Нивх, собравшийся убить ветер, расщеплял конец стрелы и вставлял в расщеп кусок прута, который затем поджигал. Взяв лук, он в него эту стрелу вкладывал и из жилища с ним выходил. Против ветра он шел, завихрение разыскивал. Стрелять можно только против ветра. Увидев завихрение, нивх стрелял в него и говорил: “Ихнт — убил”» [Крейнович 1973: 36]. Мы видим, что нивхи не всегда покорны силам природы и нередко выступают против действия некоторых «хозяев», в том числе хозяина неба, когда они наносят вред человеку и создают дискомфорт в его жизни.

В преданиях нивхов говорится о том, как они пытались взобраться на небо по лестнице и по веревке. Об этом я слышал от нивхов на Амуре. Вообще нивхи боятся небесного хозяина и мало общаются с ним. Возможно, поэтому у них ограниченное знание о небе и его обитателях.

Сам нивх-человек живет в среднем мире, известный под названием *миф* «земля», «наша земля», *нивх-миф* «земля человека». Нивх знал, что после смерти он попадает в мир мертвых *млы-во*, *млых-во* — «селение мертвых». По представлениям нивхов, под землей живут их предки, умершие давно. Там умершие живут так же, как живые, — родами. «Умерев, человек уходит не в неопределенное место, а в селение мертвых, но к своим самым близким родственникам, в свой род» [Там же: 371].

По рассказам нивхов, некоторым из них удавалось побывать в *млы-во*. В своем родном селе Кальма на Нижнем Амуре я записал предание о том, как один нивх побывал у мертвых. Предание так и называется «*Млы-во тылгу*» — «Предание о селении мертвых».

«В одном нивхском селении у одного нивха оценилась сучка и принесла несколько щенят. У него не было жены. Жил один и бедно. Он обратил внимание, что собака исчезала каждое утро и возвращалась только вечером. Хозяин не придавал сначала этому значения, но позднее стал следить за этим. Была зима. Однажды сучка вернулась со свежей рыбой и очень сытая. Хозяин отнял рыбу и стал ее рассматривать. Это была свежая горбуша. Он заинтересовался и

подумал, откуда посреди зимы собака смогла поймать свежую горбушу. На следующий день хозяин стал рано утром и привязал к ошейнику собаки длинный ремень. Затем пустил собаку вперед, а сам пошел за ней, держась за конец ремня. Собака пошла вперед, хозяин за ней. Шли долго, и стало темно. Затем стало светлее и светлее, а затем совсем светло, как днем. Увидел реку, протоку, Амур и сопки. Собака пошла вдоль речки и пришла в одно село. Дома были такие же, как у нивхов на земле, и люди такие же. Рыбаки приехали с рыбалки на лодках, которые были нагружены рыбой. Женщины обрабатывали рыбу. Собака остановилась около женщины, которая разделывала рыбу и стала есть горбушу. Женщина не видела собаку. Нивх подошел к месту, где сидели много мужчин и разговаривали. Люди не видели его. Наш нивх подумал, почему же люди не видят его, и продолжают разговаривать. Затем решил подойти к женщине, обрабатывающей рыбу на юколу и прикоснуться к ее груди. Подошел к ней сзади и сунул руку под халат и прикоснулся к груди. Грудь была холодной. Женщина вскрикнула и упала. Наш нивх отошел на два шага и остановился. На крик женщины подошли мужчины, подняли ее и стали обсуждать что-то. Нивх подумал, что подойдут и начнут драться. Приготовил нож. Но его также они не видели. Женщина стонала. Подумал убежать. Собачка наелась и встала. Нивх потянул поводок и расслабил. Собака пошла к выходу, к земле нивхов, ведя за повод хозяина. Пришел домой. И вечером стал думать, что делать. На следующий день взял три оленьих шкуры, свернул ими дерево и заткнул отверстие. И лишь после этого рассказал людям. Он поведал, что в *млы-во*, куда он ходил, видел своих односельчан и сородичей, многих он узнал.

После этого он пошел к шаману, который камлал. Положил на перекладину, на которую вешают одежду, кусок ремня из поводка, с которым ходил в *млы-во*. Затем попросил шамана камлать и сказать, как он живет и куда он ходил. Посмотри на дорогу, по которой я ходил. Шаман стал гадать, поглядывая на ремень. Затем шаман сказал: «Ты сильный человек, ты храбрый человек». Шаман сказал, что он ходил в селение мертвых и там встретил знакомых людей из своего селения. Но они не видели его. Но когда ты тронул грудь женщины, то она была холодной, так как тело было мертвого человека. Женщина эта сильно заболела, и люди *млы-во* позвали шамана. Шаман сказал, что вместе с сучкой приходил черт (человек). Он держал грудь женщины, и поэтому она заболела. Затем этот шаман камлал целый день, второй день и после этого послал духов-помощников убить тебя, приходившего к ним. Но духи дошли до отверстия и вернулись обратно, так как боялись меха оленя. С этого времени нивхи знают селение мертвых *млы-во* и вспоминают похождение нивха».

По представлениям нивхов, в загробном мире люди живут так же, как на земле, — в жилищах, промышляют рыбу и изготавливают из нее юколу, держат собак. Только там все наоборот. Если на земле зима, там — лето, если здесь вещь была разбита, поломана и порвана, то там становилась целой.

Во время экспедиционных работ мы не раз слышали от информантов, что в мире мертвых умершие живут долго. Но насколько долго умершие находятся в мире мертвых, мне не удалось выяснить. Ясно только, что, по представлениям нивхов, душа умершего проходит ряд превращений. Жизнь человека на земле связана с происхождением самого человека и Вселенной. Эта большая тема требует специального исследования. Здесь упомяну нивхское предание о том, что все создал *Курн* — хозяин Вселенной, а нивхи произошли от лиственницы. Но вместе с тем сами же нивхи отмечают родство своих родов с медведем, морской касаткой, некоторыми видами рыб, тигром и т.д.

Действительно, нивхи подчеркивали свою связь с лиственницей. В некоторых селениях стоят многовековые лиственницы, люди с трепетом проходят мимо них. Жители селений устраивали обряд жертвоприношения рядом с таким деревом. В конце XIX — начале XX в., когда у нивхов появились куры и свиньи, то, убивая их, кровью смазывали дерево. Этим означали жертвоприношение.

Для обозначения смерти нивхи используют слово *мудь*, которое можно перевести и как «умереть», и как «становиться». Со дня рождения младенца главной заботой родителей и всех сородичей становится забота о новорожденном, предохранение его от козней злых духов. В этот период новорожденным не давали имени, боясь козней. По представлениям нивхов, злые духи ходят и летают вокруг новорожденного, пытаются забрать его душу. Поэтому нивхи скрывают истинное имя ребенка, даже нарекают вторым именем, услышав которое злые духи убегают. Защищая ребенка от злых духов, нивхи вешают на люльки острые предметы, которых злые духи боятся. Например, к люльке девочки вешали модели ножниц, ножей, иголок, изображение солнца, луны и т.д. А к люльке мальчиков вешали детские стрелы с луком, копье, ножи, кусок сети, острые предметы. Здесь любопытно указать, что в люльки младенцев стелили шкуры зайцев. По мнению нивхов, все злые духи боятся белого меха зайцев. Обычно, увидев эту шкуру, они убегали с возгласом «*Алка!*» («Ой, грязно!»). Между прочим, шкурой зайцев нивхи отпугивали и морских чертей, которые встречались в пути в море. Увидев поднятую шкуру, эти черти также с возгласом «*алка!*» исчезали.

Любую болезнь человека, в том числе и ребенка, связывали с кознями злых духов, которых называли кинз — «черт». Конечно,

ребенка лечили различными лекарственными травами. Но в то же время по решению старейшего в роде и по совету шамана изготавливали различных идолов, предназначенных для лечения конкретных болезней: от расстройства желудка и боли в животе, головной боли, психического расстройства и т.д. По представлениям нивхов, скульптурные фигуры были способны вбирать в сети болезни и этим излечивать больного. Расскажу об одной такой скульптурной фигуре — *Пый хана* («Летающая хана»). Когда сильно болеют дети, даже взрослые, и у них жар и чесотка, черемуховыми стружками обтирают тело. Это среди нивхов называется *псутать* («себя мыть»). После этого стружки кладут на *Пый хана* и уносят в лес рано утром, в 5–6 часов, в сторону восхода солнца. После этого говорят: «*Пый хана* унес большую “грязь” с собой», — имея в виду болезнь.

Еще Л.И. Шренк в середине XIX в. заметил, что у нивхов были многочисленные деревянные фигурки, чтобы «украшать и отгонять злых духов». Эти бесчисленные изображения хранились в юртах. По истечении определенного срока нивхи уносили их в лес и хранили в укромном месте, прикрыв еловыми ветками.

Летом 1854 г. из покинутых нивхских селений Л.И. Шренк собрал хорошую коллекцию идолов, которых нивхи называли *кегн* или *чнай*. Среди них были идолы в виде животных: медведя, жабы, ящерицы, змеи, тигра, рыбы. Значительная часть идолов в виде человека, с телом человека и головой медведя, человеческое туловище и голова совы, с головой медведя и вороны, морского котика (МАЭ. Колл. № 675).

Другим средством излечиться от болезни были амулеты, которые вешали на шею. Они имели изображение человека, сердца и др. Их вешали, когда болело горло, от кашля и боли в сердце [Шренк 1903: 108–118]. Но в самые критические моменты, если идолы и лекарственные травы не помогали больному, люди обращались к «хозяевам» земли, воды, неба и огня за помощью, устраивая им «кормление» ритуальными блюдами. Нивхи мысленно просили помочь больному выздороветь, здоровым ходить по земле. Нередко даже убивали собак и устраивали жертвоприношения горным людям. «Приносимой в жертву собакой прежде всего кормят больного. Ему сначала обязательно дают ее сердце, а затем уже и другие части <...>, после этого мясо убитой собаки, хоть по маленькому кусочку, разносят по жилищам всех сородичей <...>. Оставшееся мясо едят в семье, принесшей собаку в жертву» [Крейнович 1973: 357].

Смерть человека наступает с момента, как его покидает сила (*чын*) и выходит из него душа (*тан*). Когда умирает человек, то присутствующие говорят: «*Чын кациньды*» — «Силы покидают».

Думаю, прав Л.И. Шренк, давший такое определение души у нивхов: «Душа — живущая в человеке сила» [Шренк 1903: 131]. Это, конечно, относится к тем случаям, когда люди умирают «естественной» смертью, по болезни и старости. Но люди погибают от когтей медведя, в борьбе чужеродцами, бывают самоубийства через повешение, тонут в воде и т.д. К каждому виду смерти у нивхов свое отношение, свои похоронные обряды, да и судьба души, по представлениям нивхов, различна.

Смертность детей у нивхов была очень высокой. Нивхи верили в возможность возвращения души ребенка к матери. Перед захоронением мать из своей груди выжимает немного молока в ротик младенца. При этом мать просит, чтобы ребенок вернулся к ней. В языке нивхов есть даже специальный термин, означающий «родиться второй раз» — *узнырнд*. Слово это происходит от словосочетания *узныр-эхли* «ребенок, родившийся второй раз» [Крейнович 1973: 365].

Во время пребывания среди нивхов мы собрали материал по этой теме. Нивхи предполагали, что после смерти младенца его душа возвращается в утробу матери и рождается новый ребенок. Нами записано от нивхов несколько способов захоронения младенцев. Самым распространенным было воздушное захоронение. Обычно делали гроб из расколотого на две части ствола дерева, в котором выдалбливали корытообразное углубление, и клали туда тело умершего ребенка. Затем связывали две части ствола и подвешивали на развилку дерева. Нивхи считали, что душа маленького ребенка летает и поэтому тело подвешивают на дерево. Нивхи делали таким способом гробик «*кофтын*» из ствола вербы. В углубления настилали пеленки из щенячьих и заячьих шкур. *Кофтын* также устанавливали на дереве [Там же: 363]. Гроб младенцев изготавливали и из бересты и также клали на развилки деревьев. Детей старше года нередко сжигали, но костер разжигали тальником, который не трещит. Предполагали, что если будут сжигать другими дровами, например из лиственницы, то они при горении будут трещать и душа ребенка испугается и не вернется обратно. Пепел собирали в одно место и ставили на нем маленький домик. Внутри вместе с пеплом клали игрушки, вещи, лук, стрелы и др. Считалось, что если душа ребенка возвращается обратно, то он играет с ними. Об этом узнает мать, посещая могилу умершего. Е.А. Крейнович видел, как в сел. Танги на Сахалине на месте сожженного ребенка нивха Таткаца была поставлена рама из четырех вытесанных досок, которые были укреплены при помощи колышек. А рядом был установлен маленький двускатный шалашик из бересты, внутри которого лежали сахар и конфеты. Рядом лежали игрушечные лук и стрелы. Поздно вечером и рано утром,

когда люди спали, молодая жена Таткаца шла к шалашу, сцеживала несколько капель молока из груди и подзывала ребенка словами *пытъя, пыта*, так нивхи звали своих детей. Затем, пятясь назад, возвращалась домой. Ложась спать, женщина клала рядом с собой одежду умершего ребенка до тех пор, пока не забеременела (см. об этом подробнее: [Там же: 367–369]).

Особым было отношение у нивхов к рождению и смерти близнецов — *тонгч эһлан*. По мнению Л.Я. Штернберга, этим словом называли двойню и бога, который рождает двойню [Штернберг 1933: 337]. По представлениям нивхов, двойняшки могут родиться от *пал нигуву* («хозяина леса») и *тол нигувун* («хозяина воды»). На похоронах близнецов обычно готовили ритуальную еду: *мось*, вареную саранку, траву пучки, варили редкую рыбу. Сначала этой едой угощали «хозяев», а затем оставшуюся еду несли домой и съедали сами. Место «кормления», по Л.Я. Штернбергу, называли *чауор* [Там же: 337]. Кроме того, он сообщает, что если близнецы умирают маленькими, то делают скульптурные изображения *тонгч чнай* по числу умерших. Их ставят в шалаш-балаганчик. Обычно, если умирают оба близнеца, то вырезают сросшееся боками деревянное изображение *тонгч* или *тонгч оһлагу чнай*.

Я приведу запись, сделанную мною у нивхов по поводу жизни и смерти близнецов. В сел. Кайган на Сахалине от нивха *улкун* я записал следующее: «Изображение близнецов называют *тонр чнай* “изображение близнеца”, *кызманчнай* “приносящее счастье изображение”, *милкэһл манчнай* “детей черта силу имеющее изображение”. Их делают, когда рождаются близнецы. Умерших близнецов не сжигают, а хоронят в сидячем положении в домике, который изготавливали специально для захоронения. При этом предварительно их одевали в белую одежду и обкладывали стружками *пнау*, которые изготавливали из черемухи или вербы. Родителей близнецов — мать и отца — также не сжигали, а хоронили в белой одежде».

При рождении луны и при полнолунии совершают *чух-чугунд* — «кормление хозяина земли». Нивхи верили, что души умерших близнецов уходили к своему отцу — *пал нигувун* («хозяину» леса), который устроил их зачатие, явившись к матери во сне [Там же: 337]. Обычно таким «отцом» считался медведь. Нивхи верили в это и поэтому делали *чух-чугунд* в местах захоронения близнецов. Этот обряд помогал матерям на охоте, в том числе добывать медведя. Иногда даже при болезни родных устраивали «кормление» близнецов. Вообще нивхи очень трепетно относились к близнецам как к существам, имеющим отношение к силам природы. После рождения близнецов их изображение вырезали из дерева, одевали в шубу из стружек и ставили на полку на задней почетной наре *п’онах* в

доме. Их «кормили» из специальной чашки. Совершали этот обряд и когда умирали близнецы. При переселении родителей в другое место эти скульптурные изображения уносили в лес и оставляли в амбарнике, который делали специально для этого.

В одной нивхской семье родились близнецы. Один из них, девочка, умерла. Ее похоронили с соблюдением похоронного обряда. Через какое-то время на кладбище произошел пожар. Родные слышали плач умершей девочки и пришли на кладбище. Все вокруг сгорело. Невредимым остался только домик, где была похоронена девочка. Этот домик был сделан и поставлен после ее смерти.

Когда умирали оба близнеца, их хоронили в гробнице в виде медвежьей клетки и называли так же, как и клетку, — *нах*. Сруб делали из расколотых деревьев. По его углам ставили четыре молодые ели. В срубе, в стороне головы, делали отверстие для того, чтобы души близнецов могли выходить и входить. На этой стороне ставили высокую молодую ель со стружками — *инау*. На могиле близнецов *тонр охлагу* ставили высокую ель с парными ветками, на концы которых тоже вешали стружки. На могиле близнецов не делали обряд *чхар озу* («установление дерева»), но устраивали «кормление» «хозяина» леса почти каждый месяц. Нивхи говорят, что близнецы приходят из леса и после смерти уходят туда же. Умерший близнец (близнецы), имеющие связь с медведем, помогают сородичам быть счастливыми и удачливыми на охоте, добывая много зверей и дичи. А те близнецы, которые связаны с хозяином воды, помогают добывать рыбу и морских зверей.

В традиционном обществе нивхов смерть человека связана со многими проблемами и хлопотами. Обычно люди, особенно пожилые женщины, заранее готовятся к этому событию и шьют для себя комплект похоронной одежды. Все эти вещи хранятся аккуратно связанными в сундуке или личной сумке. Некоторые женщины, когда уезжают надолго в гости к детям или родным, берут с собой похоронную одежду.

Я лично не раз слышал от нивхов следующее: когда умирал нивх, то говорили: «Ушел к своим в другой мир». Если девушка умирала в возрасте до 30-ти лет, то говорили: «Ушла к своему жениху, который ушел в *млы-во* раньше». Когда умирал мальчик или девочка, то говорили: «Ушел к своим родителям». Если умирал юноша, то говорили: «Ушел к невесте, которая переселилась в *млы-во* раньше».

При смерти мужчины тело его остается дома три дня, четыре — если умерла женщина. Все эти дни родные находятся в хлопотах. Они по очереди сидят около покойника, курят, едят и беседуют между собой и с умершим. Так, сменяя друг друга, люди сидят около умершего все дни и ночи. При этом все ночное время горит лампа. В эти дни приезжают родные умершего, живущие в других селе-

ниях. Все они привозят с собой гостинцы: разную еду, табак, а позднее водку или вино. В эти дни до похорон гостей угощают с утра до вечера. «У богатых вся деревня угощается, пьют водку и ставят водку перед покойником» [Там же: 326]. Женщины шьют покойнику одежду. Здесь наблюдались строгие запреты. Нельзя шить одежду из кожи, особенно рыбьей, так как жир, попадая в огонь, шипит. Это грех. Нельзя одевать умершего в орнаментированные вещи, ибо покойник будет плутать и не сможет попасть в мир мертвых. Одежду шьют из легкого материала, в том числе шелка, при этом слегка укрепляют ниткой.

По свидетельству Л.Я. Штернберга, «муж обряжает жену, жена — мужа, родители — детей и наоборот» [Там же: 326]. Согласно древним обрядам, женщин одевали в четыре одежды, а мужчин — в три. Глаза завязывали. Я не раз видел, как вместо повязок клали на глаза монеты, чтобы умерший не видел людей и не смог нанести им вреда. Мужчины рубят дрова для сожжения умершего, согласно древним традициям используют лиственницу и ель. Но для маленьких детей — только тальник. При этом есть указание, что срубают дерево только в определенном месте. Для сжигания не используют корни и ветки. Сжигают только стволы хороших здоровых деревьев. Для сжигания мужчин длинные расколотые стволы деревьев складывают в три ряда, для сжигания женщин — в четыре.

Обычно покойника клали на нарту и несли на кладбище. Но обязательно к нарте привязывали на длинном ремне любимую собаку умершего или несколько собак. По наблюдениям исследователей, как правило, в последний день перед выносом умершего из дома люди собирались на прощальную трапезу. В последний раз разговаривали с умершим, прощались. Затем подметали пол и весь мусор собирали и выносили незаметно на улицу. Тело выносили ногами вперед. И только после выноса покойного из дома выходили люди. Сразу же после выноса умершего раньше вбивали в порог кремень. В наши дни вбивают гвоздь или какой-нибудь острый предмет. Делают это для того, чтобы злой дух не смог войти в дом. Нам известно, что в прошлом отдельные семьи даже дополнительно натягивали вокруг дома под карнизом тонкую веревку, чтобы преградить путь злему духу. В пути до места захоронения делали три остановки, если умер мужчина, четыре — если женщина. Придя к месту сжигания, обносили вокруг сложенных полениц дров по направлению хода солнца три раза, если хоронили мужчину, и четыре раза — если женщину. На реке Тыми на Сахалине нарту с покойником-мужчиной опускают на каждом углу и стучат по нарте палками. Женщину здесь обносят четыре раза и также опускают на каждом углу и стучат палкой по нарте. Затем

покойника снимают с нарты и ставят на помост из дров головой на запад, согнув ему колени. Поджигают костер огнем, полученный путем трения. Этот древний способ добывания огня нивхи использовали на похоронах в конце XIX в. и в 1930-х годах. В середине XX в. им редко пользовались, чаще разводили огонь спичкой. Любопытно, что нередко нивхи оставляли на месте, где перед выносом лежал на нарте покойник, любимую собаку умершего. Ее оставляли жить дома, пока она сама не умрет. Этот обычай наблюдали у нивхов еще в середине XIX в. Л.Я. Штернберг написал, что такую собаку нивхи называли *пруски*, ее содержали и кормили из чашки умершего три года, если умер мужчина, если умерла женщина — четыре. После этого собаку дарили или продавали. Мне известен случай, когда на Сахалине одна нивхская женщина после смерти своего внука оставила его любимого щенка дома. Он спал на месте внука и так жил очень долго. Бабушка любила собаку и оберегала ее. Всегда кормила ее, разговаривала с ней.

На кладбище несли вещи умершего, посуду и предметы быта, которыми пользовался умерший. При этом ломали их и оставляли здесь. Нивхи верили, что все эти вещи восстановятся в мире мертвых и будут нужны как во время путешествия в нижний мир, так и во время жизни там. Правда, некоторые ценные вещи носили на кладбище во время похорон и вывешивали на деревьях. После похорон приносили обратно домой и сохраняли их. Некоторые из таких вещей автор статьи привез в МАЭ в качестве дара (МАЭ. Колл. № 6751).

По представлениям нивхов, после смерти человека необходимо соблюдать все обычаи и традиции и сделать так, чтобы человек был похоронен и его душа спокойно перешла в другой мир. С этой целью после кремации в течение какого-то времени, через месяц, два или три, делают надгробный домик *раф*. Обычно его ставят на месте сожжения трупа в летнее время. Домики делают разные, от простого деревянного до богато украшенного резьбой. Один из таких надгробных домиков, украшенный сложной резьбой и окрашенный в разные цвета, зарисованный художником, опубликован в книге Л.И. Шренка. Внутри надгробного домика ставят человеческую фигурку, завернутую в ткань и мех, и подвешивают к поясу фигурки нож с ножнами и др. Перед ней ставится в посуде еда. Кроме того, в углу домика помещается фигурка кукушки, а перед ней — деревянная чашечка с водой. По поверьям нивхов, в человеческую фигурку вселяется душа умершего.

После установки надгробного домика, можно сказать домика для вселения души, нивхи на кладбище готовят разную еду. Сами едят и угощают душу умершего. После этого сюда приходят близкие родственники, прежде всего старейшие и, сидя около домика *раф*,

курят и размышляют. Это может длиться 2–3 месяца, пока душа ходит по земле. Конечно, обо всем знает старейший в роду. За это время он «следит» за перемещением души и ее поведением. Когда старик убеждается, что душа окончательно покинула этот мир, тогда нивхи больше не посещают кладбище. Но нивхи верили в сны и говорили, что если кто-то из умерших часто снится, то он либо приходит за забытыми вещами, либо они что-то не так сделали при похоронах. Тогда родственники вместе находят свое упущение. Чаще всего при похоронах люди забывают положить в гроб вещи, принадлежавшие умершему. Поэтому после выяснения причин прихода умершего, старейший в семье и роду уносит на кладбище «забытую вещь». После этого душа умершего уходит.

Иногда душа умершего не хочет уходить в мир предков, бродит по селу и пугает людей. В такой ситуации надо убить эту душу. Нивхи моего селения Кальма рассказали мне, как убили блуждающую душу. Вечером два нивха пошли на кладбище — один с копьем, второй с луком и стрелой, спрятались и стали ждать. Глубокой ночью видят, как появилась душа в облике силуэта человека. Человек с луком точно выстрелил и попал в душу. Копье, кинутое вторым, также попало в цель. Затем на месте убитой души забили острый кол. Так была убита блуждающая душа. Самое главное при охоте за душой — нельзя промахнуться и испугаться ее. Подобный рассказ мы слышали и от нивхов других мест.

Нивхи верили в то, что души хороших людей уходят в мир мертвых *млы-во*. А душа плохого человека «гуляет» по земле, принося людям хлопоты. Он хочет, чтобы умерли и другие люди, и забрать их души.

Здесь уместно привести рассказ нивха Надюн, жителя сел. Чайво Восточного побережья острова Сахалин. В беседе со мной в 1961 г. он рассказал следующее. У одного нивха умерли сразу после рождения четверо детей. Заболел и родившийся пятый ребенок. Нивх очень тяжело переживал, ему было тяжело думать об умерших детях. После долгих раздумий он сделал из сухой травы фигурку человека, насадил ее на шест и поставил около могилы последнего сына. С вечера стал караулить. Когда стало совсем темно, появилась собака на кладбище и покружилась несколько раз вокруг чучела. Затем появилась вторая, третья и четвертая. Они, как и первая, стали кружиться вокруг изображения человека, а после исчезли. После ухода собак появился человек и встал рядом с изображением человека из травы. Тогда нивх, отец умерших детей, выстрелил из лука (может, бросил копье) и убил душу *теhon* (злого человека). Мой рассказчик добавил, что надо выстрелить точно и нельзя промахнуться. После этого в семье нивха перестали умирать новорожденные дети.

Нивхи верили в то, что душа мудрейшего члена рода может вселиться в новорожденного. Этот вопрос мы уже пытались исследовать в своей монографии: «Обычно, если новорожденный был очень похож на кого-нибудь из умерших предков, старики говорили: “*Инар ичир п’рыдь*”, — “став его кровью пришел”». Нам думается, этот факт вызван тем обстоятельством, что члены рода нуждались в человеке, который обладает качеством мудрого и делового.

Мы слышали рассказ о том, как душа умершего деда может вернуться, вселившись в душу вновь рожденного малыша. Во время медвежьего праздника через дымовое отверстие в полуземлянке вносили убитого медведя. Принимая его голову, старики говорили, что такой-то кормил тебя, и называли имя уважаемого старика из своего рода, который давно умер. И когда после этого у хозяина праздника рождался сын, то ему давали имя, которое сообщали медведю. Нивхи говорят про таких детей: «*Атак мур прыдь*» — «Став дедом, пришел». Нивхи верили, что в этого мальчика вселилась душа деда. И поэтому полагали, что он будет таким же мудрым человеком, как дед, будет хорошо знать окружающую среду, промыслы и народные обычаи и традиции своего предка. Такая необходимость побуждала стариков давать имена своих предков новорожденному члену рода, на которого возлагались большие надежды [Таксами 1975: 142].

У нивхов, как и у многих других народов, неоднозначное представление о душе и ее судьбе после смерти человека. На это обратили внимание исследователи нивхской культуры. Еще в середине XIX в. Л.И. Шренк писал: «Души умерших, по сообщению нивха Сургик, странствуют по земле или под землей. Души убитых и покончивших самоубийством уходят в небо. Душа человека, погибшего от медведя, входит в тело медведя и бродит по лесам и горам. Затем, превратившись в медведя, уходит в лес.

По сообщению нивха Ючина, душа утонувшего в море человека переселяется в тюленя. Например, в таких разновидностях тюленей, как *пыгиланр* или *китхпчь*. Все нивхи были единодушны в том, что душа — это живущая в человеке сила» [Шренк 1903: 130–132].

Не обошел проблему души и Л.Я. Штернберг. В его отрывочных записях по этому вопросу говорится, что «каждого человека убивает злой дух *милк*, который уносит душу. До похорон душа или сидит, или уходит в мир мертвых *млы-во*. После сожжения умершего она уже остается в *млы-во*. Нередко покойники во сне приходят к живым. Так, к мальчику Индыну мать приходила несколько раз. Всякое тело имеет душу, и форма, ее “тень”, соответствует телу. Поэтому, если телу придать известную форму, то оно приобретает соответствующую душу» [Штернберг 1933: 330–332].

Представляют интерес и его записи от нивхов о судьбах душ людей, умерших при разных обстоятельствах. Например, душа человека, съеденного медведем, живет до глубокой старости у хозяйина леса *Пал нигувун*, а душа утонувшего — у хозяйина воды *Тол нигувун*. Но потом они все же идут в *млы-во*. А души самоубийц (повесившихся) и умерших от эпидемий попадают прямо в *млы-во*. Душа умершего от раны живет в воздухе, как птица. Такие души кричат ночью с деревьев. Душа убитого человека также будет летать, пока родственники не получат выкуп *тхусинд*. Ноесли за убитого отомстят и убьют его убийцу, то души обоих пойдут вместе в *млы-во*. По представлениям нивхов, душа убитого вселяется в мстителя в виде птицы и принуждает мстить. Изображение этой птицы делают из корня ольхи и ставят недалеко от могилы убитого. При этом ставят высокие пни с большими разветвлениями корней, на которых вырезают голову птицы *ванг тахчунга* с раскрытой пастью. В нее вставляют нож или какой-нибудь острый предмет, который придает птице устрашающий вид. Рисунок такого пня с корнями вверх, поставленного в связи с убийством нивха, опубликован в книге Л.И. Шренка.

Нередко на таких «памятниках» корнями вверх, которые нивхи называли *симвын ваннь (навань)*, делали стилизованное изображение головы. На ответвлениях корня подвешивали изображение головы летящей птицы гагары с железными зубами. Птицы должны были помочь найти убийцу и отомстить ему [Таксами 1975: 151].

Е.А. Крейнович подтверждает, что душа убитого человека летает по селению нивхов в виде птицы *тахть*, кричит и призывает к смерти. На месте убийства, как мы писали выше, ставили пень корнями вверх. Такие пни лежали между жилищами в сел. Чайво на Сахалине. Убийства у нивхов происходили главным образом в результате кровной мести, в основном из-за женщин. Этому событию были посвящены многочисленные предания нивхов, в том числе и о судьбе души *техн* (см.: [Крейнович 1973: 387]).

Л.Я. Штернберг также обращался к теме возрождения души. По его сведениям, если рождался мальчик, похожий на умершего соплеменника, по мнению нивхов, он должен был знать прошлое и в его речи должны обнаруживаться слова из прошлого. «Когда он достигнет уже разумной речи, отец надевает ему шапку задом наперед и начинает спрашивать его прошлое. После этого заставляет называть правильно шапку. С этого времени мальчик будет в безопасности, так как был прогнан злой дух *милк*» [Штернберг 1933: 332].

Мы уже знаем, что нивхи в надгробном семейно-родовом домике устанавливали человеческую фигуру, вырезанную из дерева.

Этот обряд нивхи называют *чхаросунт* — «поднять дерево». Если умирала девочка или женщина, то фигуру одевали в четыре женских одежды, даже вешали на нее серьги. Если умирал мужчина, то ставили мужскую фигуру и одевали в три мужские одежды, украшая ее поясом с ножом. По представлению нивхов, в эту деревянную фигурку вселяется душа умершего. Называется эта фигурка *как*. До «поднятия дерева» душа путешествует по земле, между землей и миром мертвых. Лишь побывав в *как* длительное время, душа умирает, либо уходит в другой мир, либо превращается в другое материальное существо: бабочку, траву и т.д.

Ниже мы приводим рассказ нивха Играин о деревянной фигурке человека,местилище души умершего, известной под названием *как*. Эта фигурка устанавливается во время проводов души умершего в селение мертвых, в загробный мир. Для изготовления фигурки *как* идут в лес и в определенном месте, которое указывается старейшинами рода умершего, выбирают ровную и очень стройную здоровую лиственницу без «ран». Валят это дерево и из корневой части ствола вырубают кусок дерева, из которого делают изображение человека *как*. Его ставят в надгробный семейно-родовой домик *раф*. В этот домик ставят *как* всех умерших членов рода, иногда их так много, что вынуждены ставить в несколько рядов. А если нет места для нового *как*, то делают новый родовой надгробный домик *раф*. Вместе с *раф* делали атрибуты для деревянной фигурки. Если умерла девочка, то вырезали миниатюрные деревянные ложки, берестяные чумашки, трубку, серьги и т.д. А для фигур мальчиков — миниатюрные ножи, стрелы и луки и т.д.

Время проведения церемонии «поднять дерево» определяет старейшина рода. К этому событию все сородичи умершего готовятся тщательно. Собираются на кладбище родственники и прощаются с душой умершего. Последний раз приносят сюда еду из дома и устраивают угощение. Взрослые люди, особенно пожилые родственники, следят за тем, чтобы были соблюдены все обряды. Они последними покидают кладбище и, согласно обычаю нивхов, больше родственники на кладбище не приходят.

Мы знаем несколько способов захоронения умерших. Еще в середине XIX в. у нивхов наблюдались захоронения гроба в земле. Умершего клали в гроб, сколоченный из грубо обработанных досок. В гроб бросали вещи умершего в разбитом и разорванном виде. Гроб опускали в яму глубиной с высоту гроба. Затем сверху забрасывали землю. Такой способ захоронения Л.И. Шренк видел на Западном побережье Сахалина в сел. Аркай. В этом районе в том же самом нивхском селении Аркай и Пиляво он видел другой вид захоронения. Умерших не сжигали и не захоронивали в гробу, а ставили в

маленькие гробницы, как некоторые тунгусо-маньчжурские народы, например нанайцы.

В прошлом среди нивхов были самоубийства, как правило, путем самоповешения. Это, как заметили исследователи, был единственный вид самоубийства нивхов в прошлом. Труп повесившегося хоронили около того места, где человек покончил с собой. Но в 1950-х годах, когда в моем родном селении Кальма на Амуре повесился молодой человек, его сожгли и похоронили как умершего естественной смертью на кладбище сородичей.

Мы уже писали, что в записях Л.И. Шренка есть информация о том, что душа погибшего от самоубийства, как и убитых, уходит прямо в небо [Там же: 331]. По записям Е.А. Крейновича, сделанным от нивхов, душа повесившегося остается на земле; другие же нивхи сообщали ему, что душа уходит в подземный мир — в *млыво* [Крейнович 1973: 384].

Если человек умирал от ран, полученных в борьбе с медведем, нивхи говорили, что медведь взял человека и душа человека уходит жить к медведям, а не к сородичам в селение мертвых. Весть о смерти человека от медведя быстро распространялась среди сородичей, и все люди бросались на поиски медведя-убийцы. Когда зверя убивали, то на него изливали свою ярость: выбивали зубы топорами, при снятии шкуры ножами кололи во все места, сопровождая это отборными ругательствами [Штернберг 1933: 96]. Затем усаживали погибшего человека в нарту, окутывали шкурой убитого медведя, а под сидение подкладывали голову медведя. В таком виде с шумом и громким завыванием везли в селение. Вблизи селения останавливались и сооружали сруб, подобный медвежьей клетке, в котором вывешивали шкуру медведя. В нее клали тело погибшего вместе с тушей медведя-убийцы. По углам сруба снаружи ставили четыре высоких еловых дерева с ветками. А вовнутрь клали стружки вокруг задранного медведем человека, которого затем хоронили в сидячем положении. Место захоронения называется *чауф*.

По сообщению нивхов, некоторые семьи при похоронах погибшего в лесу от медведя убивали собак, съедали мясо сами и кормили им хозяина тайги и гор. Мясо убитого медведя разрезали на куски и разбрасывали в разные стороны. По наблюдениям Е.А. Крейновича, когда весной и осенью устраивали «кормления» хозяина горы, в клетку бросали еду породнившимся нивху и медведю. На основе собранных материалов Е.А. Крейнович делает заключение, что горные люди-духи живут такими же родами, как и сами нивхи. Каждый род горных людей-духов покровительствует определенному роду нивхов за то, что те дважды в год посылают им дары-жертвоприношения [Крейнович 1973: 395]. Кровное род-

ство устанавливается лишь после перехода в род хозяина тайги забранного медведем человека.

Чаще нивхи погибли в море. Про утонувших нивхи говорили *колаф ньрышды* — «болезнь нашел». В дни поисков утопленника в семье погибшего царила наряженная тишина, и люди находились в угнетенном состоянии. Членам семьи запрещалось заниматься промыслами, даже запрещалось резать и варить мясо тюленя и свежей рыбы. Когда долго не могли найти тело утопленного, тогда в один из вечеров собирались в родовом доме. Мужчины рассаживались по углам. Дома тушили огонь и гасили свет. Все сидели тихо. Нивхи верили, что в это время душа утонувшего должна войти в дом. Тишина нарушается тем, что открывается дверь и врывается шум морских волн. Вместе с ними входит в дом душа утопленника, шумно дыша. В это время одни мужчины преграждают путь к выходу, крепко закрыв дверь, а другие хватают душу умершего, чтобы она не могла уйти. Нивхи верили, что после этого находят тело утопленника. Пока ищут утопленника, его жена спит одетой в сидячем положении. Утопленника сжигали на том месте (это место называется *тинлаф*), где его находили. На берегу собирали сухие дрова «пльвуны», складывали их в 3–4 ряда в зависимости от пола утонувшего. На них клали утопленника вниз лицом головой в сторону воды. Одевали утопленника в 3–4 слоя одежды также в зависимости от пола. Огонь одновременно зажигали на всех четырех углах. Надгробный домик *раф* не делали. Но на месте похорон утопленника оставляли памятники в виде лодки с веслами, поставленными шестом вверх. Об этой церемонии Л.И. Шренк в середине XIX в. писал, что нивхи ставят полку и втыкают рядом палки. Любопытно отметить, что он видел между моим родным селением Кальма и хок на Нижнем Амуре место захоронения утопленника. Здесь стоял низенький домик. Кругом на кустах висела берестяная посуда — коробки и чашки. Около них стояла лодка, на которой случилось несчастье [Шренк 1903: 140].

На Сахалине на месте захоронения утопленника также ставили «памятник» *ч'иглаф* из лодки и воткнутых около нее весел и длинных шестов. На этом месте нивхи стаскивали утопленника в лодку баграми и «делали» одежду из стружек. На шестах поднимали труп и опускали на костер лицом вниз, а головой к воде. Во время похорон утопленника нивхи также убивали собак, мясо съедали сами и угощали им хозяина воды.

В разговорах нивхи не называли умершего по имени, лишь намекали на того, о ком конкретно идет речь. Но на Нижнем Амуре я слышал, как в разговоре нивхи упоминали имя умершего человека,

но с добавлением слова *наса*. К сожалению, среди нивхов я не нашел объяснения этого слова. Правда, в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» обнаружил созвучное слово *наска* — «медвежий праздник» [Сравнительный словарь 1975]. Может быть, нивхи словом *наса* называли имена людей, которые, по их мнению, после смерти на земле ушли к своим сородичам-медведям в тайгу. Это лишь мои догадки, высказанные на основе созвучий нивхского слова *наса* и тунгусо-маньчжурского слова *наска*.

До середины XX в. у нивхов сложилось в целом стройное представление о мире, жизни человека на земле, его жизненном цикле. К смерти они относились спокойно, так как с самого детства готовились к ней. В середине XX в., через сто лет после появления письменных сообщений русских исследователей о погребальных обрядах нивхов, мы еще наблюдали эти обряды и связанные с ними атрибуты, более того, во время этнографических экспедиций к нивхам Нижнего Амура и острова Сахалин мы записали их мифологию и рассказы о строении Вселенной, земли и потустороннем мире. Во время этих поездок мне удалось присутствовать на похоронах и принимать участие в выполнении похоронных обрядов. Здесь важно отметить, что в те годы еще были живы нивхи, знавшие хорошо свою культуру и язык, соблюдавшие традиции, обычаи и обряды. Все они старались помочь мне, объясняя мировоззрение нивхов, сложные ритуалы. Мои фольклорные записи, в том числе мифологии о жизни и смерти человека, сегодня стали уникальными материалами. Даже мои фотографии похорон нивхов, особенно группосожжений, стали уникальными.

В середине XX в. нивхи продолжали жить на своей земле и сохраняли среду своего обитания, на которой исторически сложился их уклад жизни. Это обстоятельство позволило нивхскому народу длительное время сохранять свою традиционную культуру. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что люди сберегли свои знания об окружающей среде, ее обитателях и всем живом на своей земле. Вместе с этим сохранялись традиционные знания, направленные на сохранение связи человека и природы.

Но в 1960–1970-х годах в связи с интенсивным освоением северных районов и практической реализацией политики некапиталистического пути развития резко изменилась ситуация в районах расселения нивхов. Среди них стали активно проводить политику укрупнения селений и ликвидации многовековых нивхских стойбищ. Практически нивхи были выжиты из многих своих селений и вынуждены переселиться в другие места и жить в иноэтничной среде. Во время такого переселения люди потеряли привычную среду обитания, свои дома. К тому же под сильным

давлением власти на местах они вынуждены были забыть свой уклад жизни и связанные с ними традиции, обычаи и обряды. Эта ситуация, конечно, серьезно отразилась на похоронных обрядах нивхов. Сегодня повсеместно нивхи хоронят умерших только в гробах, независимо от причины смерти. Лишь отдельные семьи пытаются соблюсти некоторые похоронные обряды и приносят на кладбище отдельные вещи умершего, оставляя их здесь поломанными и рваными. Правда, как и прежде, покойника не оставляют одного и все дни рядом сидят родственники и знакомые, пьют, курят, едят и беседуют. Прощальные поминки устраивают по истечении девяти и сорока дней. После этого многие нивхи, как и прежде, не ходят на кладбище. Мне известно, что отдельные пожилые женщины имеют похоронную одежду, приготовленную для себя. В современном похоронном обряде мало что сохранилось от традиционного. Здесь нет устоявшихся явлений, как и во всей современной жизни нивхского народа.

Библиография

Золотарев А. К вопросу о генезисе классового образования у гиляков // За индустриализацию Советского Востока. 1933. № 3.

Крейнович Е.А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели // Доклады и сообщения Института языковедения АН СССР. 1955. Вып. VII.

Крейнович Е.А. Нивху. М., 1973.

Окладников А.П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии // Вопросы истории. 1964. № 1.

Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 2.

Таксами Ч.М. Культурное наследие нивхов. Этнографические коллекции нивхов в музеях Японии. *Senri ethnologica Reports* 52. Национальный музей этнологии. 2004.

Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975.

Таксами Ч.М. Сказки народов Севера. Южно-Сахалинск, 1996.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. I–II.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. III.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.